ФРАНСИСКО
ФРАНКО
И ЕГО ВРЕМЯ
СВЕТЛАНА
ПОЖАРСКАЯ

Титаны и тираны

Светлана Пожарская

Франсиско Франко и его время

«Алисторус»
2014

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Пожарская С. П.

Франсиско Франко и его время / С. П. Пожарская — «Алисторус», 2014 — (Титаны и тираны)

ISBN 978-5-4438-0699-0

Человек, которого сравнивают с Путиным, офицер, в трудную минуту пришедший на помощь своей стране и поднявший ее из руин. «Важнейшая задача моей жизни – вернуть испанцам гордость быть испанцами», – такова была жизненная установка испанского генерала Франсиско Франко. Этот человек, прожив без малого 83 года, около 40 лет обладал реальной возможностью оказывать воздействие на жизнь и судьбы соотечественников. Так каким же он был, последний диктатор в Западной Европе? Его называют «человеком 98 года», года, когда после поражения в войне с США Испания утратила Кубу, Филиппины и Пуэрто-Рико и стала второстепенной державой. Человеком, который был убежден, что для того, чтобы «Испания без пульса» возродилась к жизни, ей надо обрести веру в себя.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-4438-0699-0

© Пожарская С. П., 2014
© Алисторус, 2014

Содержание

К читателю 6
Часть I 8
Путь наверх. Взлет 8
Апрельская республика 17
К гражданской войне 24
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Светлана Пожарская
Франсиско Франко и его время

© Пожарская СП, 2014
© ООО «Издательство Алгоритм», 2014

* * *

Памяти сына – Николая Яковлева-младшего

К читателю

«Образ Франко тускнеет на монетах, печатях и в памяти» – это суждение, высказанное мадридским корреспондентом «Associated Press» Ф. Уиллером в ноябре 1976 г., в первую годовщину со дня смерти Франсиско Франко, тогда вряд ли кто-либо оспаривал. Но прошли годы, и картина резко изменилась: в Испании от книг о Франко и его эпохе ломятся библиотечные полки. В главном книжном магазине известного издательства «Espasa Calpe», что на мадридской Гран Виа, только книги о Франко и его времени, вышедшие за последние годы, занимают три полки. К десяткам прижизненных биографий прибавились сотни новых, как критических, так и апологетических. К последним можно отнести и нашумевшую монографию П. Моа «Мифы о гражданской войне», 23-е издание которой увидело свет в 2003 г. Кто из них прав? Ответ могут дать документы испанских и отечественных архивов.

«Важнейшая задача моей жизни – вернуть испанцам гордость быть испанцами», – комментируя эту жизненную установку Франсиско Франко, известный испанский историк М. Эспадас Бургос заметил, что Франко являлся «человеком 98-го года», года поражения в войне с США, когда Испания, утратив Кубу, Филиппины и Пуэрто-Рико, стала второстепенной державой, и был убежден, что для того, чтобы «Испания без пульса» возродилась к жизни, ей надо обрести веру в себя. Но вряд ли кто-либо обратил бы внимание на эти слова честолюбивого молодого офицера, каких немало имелось в испанской армии, если бы они не принадлежали тому, кто впоследствии около 40 лет обладал реальной возможностью оказывать воздействие на жизнь и судьбы соотечественников.

Франсиско Франко прожил без малого 83 года. Менялся мир, менялись и его представления о месте Испании в мире, настоящем и будущем. И все же биографы Франко еще при его жизни отмечали, что, несмотря на крайний прагматизм, диктатор в чем-то все-таки оставался верен своим принципам и своему прошлому.

Прежде всего военный, Франко не оставил теоретического наследия, позволяющего с большей или меньшей определенностью судить о его заранее заданных «моделях» будущего Испании. Его публичные выступления в качестве главы государства были подчинены сиюминутным целям. Своих воспоминаний он не оставил.

Его роман «Раса», изданный под псевдонимом Хайме Андраде, хотя во многом автобиографический, вряд ли все же можно отнести к мемуарному жанру.

Еще 2 ноября 1964 г. глава нью-йоркского издательства «Doublday and Company» К. Мак-Кормик обратился с письмом к министру иностранных дел Испании Ф. Кастиэлье с необычной просьбой: «Как издатели биографий Дуайта Д. Эйзенхауэра, Роберта Мерфи, Ричарда Никсона и других выдающихся американцев, мы заинтересованы в том, чтобы убедить Генералиссимуса Франко написать свою биографию». Ответ Кастиэльи был уклончив: в ответном письме от 25 ноября он выразил надежду вернуться «к этому вопросу в ближайшем будущем». Но так и не вернулся.

Позднее Х. Мануэль Лара, основатель и глава знаменитого барселонского издательства «Planeta», обратился с просьбой к Франко написать свои воспоминания. Франко отказался. Тогда Лара предложил М. Аснару и Е. Ромеро написать биографию Франко при его содействии. Франко выбрал Ромеро, хотя Аснар, дед Х.М. Аснара, главы испанского кабинета в 1996–2004 гг., имел репутацию «великого журналиста и блестящего дипломата», а Ромеро принадлежал к другому поколению и нередко занимал позицию критика режима. Своим выбором Франко, как полагал Ромеро, продемонстрировал «желание избежать искушения и получить еще одну „классическую“ биографию». Этому проекту не суждено было случиться: Франко к нему так и не вернулся. Но и после смерти диктатора, когда были сняты все запреты, любого автора все еще подстерегают большие трудности.

Большая часть личного архива Франко, как утверждали его дочь и близкие, сгорела в результате несчастного случая во время переезда семьи из резиденции Франко в Эль Пардо после его смерти. К тому же только двадцать пять лет спустя после смерти диктатора Министерство культуры Испании выделило «Фундасьону Франко» необходимые средства для классификации как официальных документов, так и тех, что уцелели от пожара, для передачи на хранение в государственные архивы. И хотя Х. Тусель, известный испанский историк, в специальном номере «El Pais» от 18 ноября 2000 г. отмечает, что без этих документов попытки написать биографию Франко не корректны, ежегодно прибавляются все новые жизнеописания диктатора. В их числе и самого Туселя. В последние годы проявился интерес к личностным и психологическим аспектам биографии Франко. И все же, несмотря на мнение скептиков, можно попытаться сложить из разрозненных элементов некую мозаичную картину, хотя в ней, очевидно, будут отсутствовать многие компоненты.

Так каким же он был, последний диктатор в Западной Европе?

Часть I

Путь наверх. Взлет

Дальний предок Франсиско Франко Хуан Франко Добладо переселился из Пуэрто-Реаля, что близ Кадиса, в Эль Ферроль, ставший морской базой в 1726 г., в годы правления первого короля из династии Бурбонов – Филиппа V. После пробы на «чистоту крови» он был назначен в 1730 г. преподавателем морского училища. Франко считались идальго, хотя и без титула и без надежных средств к существованию. Его дед Франсиско Франко и отец его бабки Салгадо-Араухо достигли высших рангов в морской иерархии. Его отец – Николас Франко Салгадо Араухо – в 18 лет поступил в Академию морской администрации в Эль Ферроль, служил на Кубе и Филиппинах, сделал блестящую карьеру, достигнув ранга генерального интенданта.

Агностик и вольнодумец, насмешливый и остроумный, он действительно представлял собой весьма странную фигуру, не вписывающуюся в стереотип «сеньора морского офицера». Именно эти качества помешали ему достигнуть более высоких степеней в карьере – способности и квалификация, как полагали его знакомые и сослуживцы, позволяли Николасу-старшему стать, по крайней мере, вице-адмиралом. Но он им не стал.

В Эль Ферроле Николас Франко познакомился с Пилар Баамонде, дочерью также генерального интенданта; в мае 1890 г. состоялась свадьба. Оба супруга принадлежали к одному и тому же социальному слою, но у Баамонде была более знатная родословная. Их разделяли не только происхождение и даже не возраст – дон Николас был старше жены на 10 лет, – а характер.

По отзывам преподавателей, а затем и сослуживцев, Николас Франко имел характер открытый и независимый, был жизнелюбом, не скрывал своих либеральных взглядов. Даже после женитьбы продолжал вести жизнь холостяка, проводил многие часы в казино, имел устойчивую репутацию бабника.

Мать Франко – Пилар, в юности одна их самых очаровательных девушек Эль Ферроля, по отзывам родных и знакомых была склонна к меланхолии, глубоко религиозна, придерживалась строго консервативных принципов.

Франсиско Франко Баамонде родился в Эль Ферроле 4 декабря 1892 г. в день св. Варвары, покровительницы артиллерии, чему впоследствии его биографами придавалось большое значение.

В 1907–1909 гг. дон Николас практически оставил семью, переведясь на службу в Мадрид, хотя к этому времени он был отцом пятерых детей – Николаса, Франсиско, Рамона, Пилар и Паситы (умерла в детстве). Вначале он не терял контакта с семьей, регулярно посылал деньги, но после того, как в Эль Ферроль пришло известие о «другой женщине», родители Франко разъехались. Это случилось в 1912 г.

По мнению одного из биографов Франко, Энрике Гонсалеса Дуро, для Франко мать была совершенством, а отца он не любил и даже ненавидел. Некоторые биографы, следуя Фрейду, даже пытаются обнаружить у Франко «эдипов комплекс» и его антилиберализм[1].

Николас-старший никогда не скрывал своего весьма скептического отношения к достоинствам Франсиско. По воспоминаниям племянницы Франко Пилар Хараис, опубликовавшей в 1981 г. книгу «История одного диссидентства», он говаривал: «Из моих трех сыновей самым разумным был Рамон, Николас был обманщиком, а Пакито (уменьшительное от Франсиско)

[1] *Gonzбles Duro E.* Franco. Una biografha psicolygica. Madrid (далее M.), 2000. P. 27–29.

был и оставался глупцом». И это он говорил тогда, когда Франко достиг вершины власти: «Пакито – каудильо, Пакито – глава государства! Держите меня, я умру от смеха!»[2] И это было связано не только с его активным неприятием режима, получившим название по имени его сына. Возможно, над ним довлели воспоминания о первых ученических шагах Франко, об отзывах его учителей.

Франко получил начальное образование в колледже «Святого сердца». По отзывам его учителей, это был усердный ученик, очень уравновешенный, но посредственно одаренный, застенчивый, не очень зрелый психологически, с голосом ребенка. По воспоминаниям старого друга детства – пастора Ньето Антуанеса, – это был нормальный мальчик, хотя застенчивый и немного закомплексованный. Для того чтобы преодолеть эти черты, ему по воле родителей пришлось прервать прохождение курса для получения степени бакалавра. Четырнадцати лет от роду, Франсиско Франко впервые совершил путешествие на поезде.

Франсиско Франко хотел стать моряком, но по семейной традиции в морское училище поступил его брат Николас – единственный среди братьев нормального роста, немного денди, жизнелюб й, по общему мнению, весьма заурядная личность. Франсиско, или Пако, поступил в пехотное училище в Толедо, основанное еще императором Карлом V. Самый низкорослый и самый юный кадет не блистал успехами.

Согласно уставу училища, именуемого Академией, дети офицеров зачислялись сразу, остальные же должны были доказать «чистоту крови». Франко прошел это испытание и стал кадетом. По воспоминаниям тех, кто вместе с ним получал основы военных наук, «Франкито» был объектом грубых шуток из-за своего маленького роста, физической слабости и почти детского облика. Это ранило его чувство собственного достоинства, он находил утешение и надежду на будущее в чтении книг по истории битв, биографий героев прошлых эпох, жертвовавших собой для родины. Но там же, в училище, он и обрел друзей, которых впоследствии высоко вознес в годы своего всесилия.

Верность трону – вот была доминанта воспитательных устремлений преподавателей. Недаром во время церемонии «клятвы на знамени» кадеты приносили присягу не верности родине и конституции, а верности королю. Король, по замыслу авторов клятвы, воплощал национальный суверенитет, что не противоречило конституции 1876 г., по которой жила страна; титул монарха гласил: «конституционный король» (преамбула) и только «король санкционирует и обнародует законы» (статья 51-я).

Но как бы ни были кадеты изолированы от общества, в конце второго курса сквозь все препоны и преграды просочились известия о кровавых событиях в Барселоне 26–31 июля 1909 г., вошедшие в историю как «трагическая неделя». В те дни армия по приказу главы правительства Антонио Мауры подавила акции протеста против указа о мобилизации резервистов – в испанской зоне Марокко в очередной раз вспыхнуло восстание. Франсиско Феррер, анархист и педагог, имевший всеевропейскую известность, основатель «Современной школы» в Барселоне, был несправедливо обвинен не только в подстрекательстве к бунту, но и в стимулировании происков масонов всего мира против Испании. Он был осужден военным трибуналом и расстрелян у стен крепости Монжуич. Его казнь вызвала волну протеста во многих странах Западной Европы и Америки и как следствие – падение Антонио Мауры[3].

Как вспоминал впоследствии сам Франко в своем автобиографическом романе «Раса», о «кровавой неделе» кадеты могли судить только со слов преподавателей. Именно отсюда истоки представления Франко, с годами превратившегося в манию, что «Испания была и есть жертва международного заговора, который позднее идентифицировался с масонством»[4]. Его племян-

---

[2] *Gonzбles Duro E.* Franco. Una biografha psicolygica. Madrid (далее M.), 2000. P. 6–38.

[3] Подробнее см.: *Connelly Ullman J.* La Semana Trбgica. Barcelona (далее B.), 1972.

[4] *Boor J.* (псевдоним Франко). M., 1952. P. 10–11, 243.

ница Пилар Хараис, старшая дочь сестры, считала, что возложение им вины на масонство за все беды Испании проистекало из его неприязни к отцу. Дон Николас-старший, по ее мнению, был защитником масонства: «Что мой сын знает о масонстве. Это сообщество прославленных и достойных уважения людей»[5].

Впоследствии, на протяжении многих лет жизни Франко часто обращался к истории падения Мауры. Но нигде нет сведений о том, что он был действительно знаком со взглядами этого политика-реформатора, о которых в 1936 г. напомнил испанский историк А. Бальестерос-и-Берета: «Испания, – утверждал Маура, – нуждается в революции, совершенной правительством, ибо иначе страшный беспорядок произойдет снизу. Я называю революцией те реформы, которые должно осуществить правительство радикальным образом, немедленно и насильственно»[6]. Но Франко в своих исторических «изысканиях» нередко отдавал предпочтение мифам, а не реальности, если это служило его целям и намерениям.

Сам Франко впоследствии весьма критически оценивал систему обучения в Академии. По его воспоминаниям, которые можно извлечь как из романа «Раса», так и из других замечаний, преподавание основывалось на устаревших немецких уставах, преподаватели Академии, майоры и капитаны пехоты, порой забывали о главной цели своей миссии – формировании, профессиональном и духовном, будущих офицеров. Изменения наступили с назначением директором Академии полковника Вильальбы, но к этому времени закончился и курс обучения Франсиско Франко. В июле 1910 г. сам Альфонс XIII вручил свидетельства о присуждении звания младшего лейтенанта: из 312 Франко получил диплом под номером 251.

Ничто не сулило 17-летнему младшему лейтенанту, направленному в 1910 г. в 8-й пехотный полк в Эль Ферроле, обнадеживающего будущего. В захолустном полку у Франко было много свободного времени. Его он посвящал усердному чтению, круг которого был ограничен военной журналистикой и историческими исследованиями, посвященными, за немногими исключениями, войнам и биографиям полководцев. Его старый учитель Комельяс, тот самый, который охарактеризовал его как истинного католика и военного с твердым характером, дал ему как-то прочитать книгу, посвященную биографии Габриэля Гарсиа Морено – президента Республики Эквадор в 1861–65 гг. и 1869–75 гг. Он прославился как диктатор, гроза либералов и масонов, истинный христианин. Трудно сказать, какое впечатление эта книга произвела на Франко. Скорее всего, на воспоминании о прочитанном лежит отсвет того, кем стал Франко после 1936 г.

Поначалу ничто, казалось бы, не предвещало успешной карьеры, если бы не война в Марокко: в 1911 г. честолюбивый лейтенант вступает в колониальные войска.

6 ноября 1912 г. Франко, Алонсо Вега и его двоюродный брат Салгадо Араухо выехали в Тетуан. Оказалось, к их радости, что почти все офицеры – выпускники Академии в Толедо.

В 1913 г. Франко получает первую награду – «Военный крест за заслуги».

Если бы не служба в колониальных войсках, Франко вряд ли смог бы сделать блестящую карьеру.

30 июля 1914 г. глава правительства Испании Э. Дато на вопрос министра иностранных дел де Лема, верит ли он, что война близка, ответил: «Неминуема». Неделю спустя Дато подготовил, а король Альфонсо XIII подписал декрет, опубликованный 7 августа, который обязал всех испанских подданных сохранять строгий нейтралитет, что лишало многих молодых честолюбцев стремительного взлета. Иное дело – война в Марокко.

В марте 1915 г. в возрасте 22 лет Франко – капитан. В июне 1916 г. в сражении при Биутце он был тяжело ранен, а в феврале 1917 г. произведен в майоры – самый молодой майор

---

[5] *Jarais Franco P.* Historia de una disidencia. B., 1981. P. 59–60,90,92.

[6] Подробнее см.: *Sevilla Andres D.* Antonio Maura: La Revoluciyn desde arriba. M., 1953.

в испанской армии. В мае 1917 г., возвратившись на полуостров, вступает в полк «Принца Астурийского»[7].

Этот год в Испании был временем великих потрясений. Стан тех, кто жаждал исправить политические и социальные дефекты общества, был весьма обширен – от каталонской буржуазии, жаждавшей полной автономии от Мадрида, до капиталистов промышленного Севера, рвавшихся к кормилу государственной власти, от пролетариата, городского и сельского, до армии с ее офицерскими «хунтами обороны» и гегемонистскими устремлениями генералитета.

Еще с 1916 г. страну сотрясали забастовки против роста дороговизны жизни: Испания вывозила продукты питания воюющим странам. Начиная с марта 1917 г., руководители Социалистической партии активно готовили всеобщую забастовку с целью добиться «фундаментальных изменений системы, которая будет гарантировать народу минимум условий для достойной жизни». Основное требование – учреждение временного правительства, призванного организовать выборы в Учредительное собрание. 9 августа забастовочный комитет призвал к общенациональной забастовке.

Глава испанского правительства Дато, отдавая себе отчет в серьезности ситуации, ввел военное положение. 18 августа забастовка была подавлена силой. Согласно официальным данным, жертвами стали 80 погибших, 150 раненых; две тысячи забастовщиков были задержаны. 24 августа 1917 г. газета «El Imparcial» сообщала: «Король выражает удовлетворение действиями армии». 29 сентября военный трибунал приговорил членов забастовочного комитета, среди которых были Ф. Ларго Кабальеро и Х. Бестейро, к пожизненному заключению. В движение за амнистию включились самые широкие слои испанского общества, и в ноябре, будучи избранными советниками мадридского муниципалитета, лидеры социалистов были амнистированы.

Биографы Франко утверждают, что он не участвовал непосредственно в репрессиях против участников всеобщей забастовки в августе 1917 г. Подтвердить или опровергнуть это суждение не удалось.

По воспоминаниям племянницы Франко Пилар Хараис, дон Николас-старший незадолго до своей смерти, когда Франсиско Франко был уже главой государства, как-то сказал: «Если бы моего сына любили женщины, у нас бы были другие песни»[8]. Франсиско Франко, действительно, не мог похвастаться таким длинным списком увлечений, который был у его отца. И вряд ли он пытался ему следовать.

«Пакито, оставь меня в покое, ты мне не нравишься», – эти слова Софии Милье, предмета первой любви Франсиско, когда ему было 12 лет, он впоследствии слышал еще раз, когда ему было уже 19 лет. На новогоднем балу в Мелилье он познакомился и был увлечен подругой своей сестры Софией Сурбаран, принадлежащей к аристократическому роду и тесно связанной с военной кастой – она была дочерью полковника и племянницей генерал-майора. Висенте Гарсиа опубликовал в 1978 г. в Барселоне книгу «Любовные письма Франко», в которую он включил и интервью с Софией Сурбаран: «Он был хорошим человеком, но очень нерешительным. Очень молчаливым… Очень серьезным». К тому же Франко не умел танцевать. И заключение: «Мне Франко не нравился»[9]. И только когда Франко было уже 24 года, ему, наконец, повезло.

В Овьедо, в Астурии, когда Франко был прикомандирован к полку «Принца Астурийского», на «ромерии», народном празднике, устраиваемом на местах паломничества, он встретил Кармен Поло Фернандес. Семья Кармен была не в восторге от претендента на руку их дочери. Особое недовольство выражала тетя Кармен, заменившая ей рано умершую мать. Иза-

[7] *Subres Fernandez L.* Francisco Franco y su tiempo, 8 vols. M., 1984. Vol. I.

[8] *Jarais Franco P.* Op. cit. P. 109–132.

[9] *Garcia V.* Las cartas de amor de Franco. B., 1978.

бель Поло Фернандес, тесно связанная с высшим обществом Астурии, гордилась своими аристократическими корнями. Отец Кармен, который интересовался только лошадьми и охотой, также полагал, что претендента на руку его дочери привлекает прежде всего возможность поднятия своего социального статуса. Но Кармен была очарована героем Африки, «майорчиком». Хотя уже в 1920 г. Франко был официально признан женихом, до брака прошло еще 3 года. Причина отсрочки – новый поворот в карьере.

31 августа 1920 г. по распоряжению короля был создан Иностранный легион «Терсио». Его командир подполковник Мильян Астрай несколько дней спустя послал телеграмму майору Франко, предложив стать его заместителем и командиром первой бандеры «Терсио». Франко выехал немедленно.

Война против Республики Рифф в Марокко не была успешна для Испании. Но это никак не сказывалось на карьере Франко. Напротив, в июне 1923 г. сам король оказал давление на Совет министров, добившись для него внеочередного повышения в чине: тридцати лет от роду Франко становится подполковником и командующим Легиона. Получив от короля не только согласие на женитьбу, но и 40-дневный отпуск, Франко воспользовался им, чтобы посетить Мадрид, поблагодарить Альфонса XIII за присвоение ему придворного звания камергера и попросить быть посаженным отцом на свадьбе, что приблизило Франко к знати и сняло все препятствия к браку с Кармен Поло, принадлежавшей к одной из самых богатых и знатных семей Астурии.

Семья невесты была удовлетворена: короля представлял генерал Лосада, свадьба состоялась в церкви Сан Хуана в Овьедо 23 октября 1923 г. В эти дни Испания уже жила в условиях военно-монархической диктатуры.

13 сентября 1923 г. генерал Примо де Ривера с согласия короля совершил государственный переворот: кортесы (парламент), на выборах в которые весной этого же года победу одержали либерально-реформистские группировки, были распущены, введено военное положение, запрещены деятельность политических партий, демонстрации, ограничена свобода прессы: это означало, что монархия утратила облик конституционной. Новый режим монархии имел все признаки авторитаризма.

Отправляясь вновь в Марокко, Франко нанес визит диктатору, который впоследствии неизменно покровительствовал ему.

Отношение к Франко в армии не было однозначным. Игнасио Идальго де Сиснерос, аристократ по рождению и воспитанию, ставший в годы гражданской войны командующим авиацией Республики, вспоминал о 20-х гг.: «На базе в Мар-Чика никто не любил Франсиско Франко, начиная с родного брата, с которым он едва разговаривал… Он прибывал на базу всегда вовремя и держался очень надменно, стараясь как можно больше вытянуться, чтобы казаться выше и скрыть свой начинающий появляться животик… Не помню, чтобы я хоть раз видел его улыбающимся, любезным или проявляющим хоть какие-то человеческие чувства» [10].

Многие сослуживцы отмечали его авторитарность, закрытость его менталитета, нетерпимость и враждебность ко всем идеям, которые он не разделял. Но были и другие суждения. Диктатор высоко оценил его меры по реорганизации Легиона, обратив внимание на «Кредо легионера», автором которого был Франко, а также его руководство журналом «Revista de Tropas coloniales», в котором он опубликовал 12 статей.

В 1925 г. Примо де Ривера реорганизовал «Терсио» – теперь в нем было уже 8 бандер. Франко, получив чин полковника, был назначен временно исполняющим обязанности командующего. Тогда же правительство Франции наградило его орденом Почетного легиона.

Диктатор неизменно покровительствовал Франко: по представлению Классификационной Хунты, контролируемой Примо де Риверой, в феврале 1926 г., задолго до выслуги поло-

[10] *Сиснерос И. де.* Меняю курс. М., 1962. С. 112.

женного срока, в возрасте 33 лет Франко становится бригадным генералом, самым молодым в Западной Европе.

В этом же году, уже в Мадриде, 14 сентября родилась его дочь, нареченная Марией дель Кармен Рамоной Фелипой де ла Крус. По признанию будущего диктатора, его дочь – самая большая любовь его жизни: «Я был сумасшедшим от радости».

Франко использовал свое пребывание в Мадриде для укрепления связей со столичным генералитетом. Место встречи чаще всего – салон клуба «Гран Пенья», что на проспекте Гран Виа. Как я смогла заметить, бюст Франко и поныне «украшает» холл этого клуба. Биографы Франко единодушны: в беседах не только с теми, кто занимал высокие ступени военной иерархии, но и с лидерами консервативной оппозиции – с правым либералом Санчесом Геррой и его единомышленниками в престижных клубах, – Франко избегал обсуждения любых тем, имевших касательство к политике. А это не могло не остаться незамеченным диктатором.

Режим диктатуры Примо де Риверы никогда не отличался прочностью; в правящих кругах не прекращались раздоры. Латифундисты были недовольны политикой покровительства финансовому капиталу и крупным промышленникам; представители крупного капитала были недовольны политикой аграрного протекционизма. Широкие круги промышленной буржуазии были недовольны вмешательством государства в экономику в интересах финансового капитала.

Оппозиция антидемократическому режиму, являвшаяся постоянным спутником диктатуры с момента переворота, к 1926 г. становится массовой и переходит к активным действиям. Уже не только передовая интеллигенция, студенчество и республиканские силы Каталонии, возмущенные политикой национального угнетения, участвуют в борьбе против режима диктатуры, но даже монархисты и все более значительные круги офицерства начинают выражать свое недовольство диктатором. Вновь возрождаются офицерские хунты, созданные в тревожном для Испании 1917 г. Недовольство, офицеров носило преимущественно кастовый характер: часть из них была недовольна политикой фаворитизма, проводившейся в армии диктатором, а также тем, что среднее офицерство до 1923 г. объединенное в военные хунты, не играло сколько-нибудь значительной роли в политической жизни страны. Недовольство в армии усилилось после того, как в связи с прекращением активных боевых действий в Марокко в 1926 г. многим офицерам было предложено перейти в запас. Военные и явились инициаторами и участниками одного из первых заговоров против диктатуры в июне 1926 г. в Валенсии, накануне дня Сан Хуана (Иванова дня). Помимо военных в заговоре приняли участие монархисты – граф Романонес, Мелькиадес Альварес; республиканцы – А. Леррус, М. Доминго, Г. Мараньон и Ф. Галан; анархист А. Пестанья. Заговор окончился поражением; Ф. Галан, М. Доминго, А. Пестанья, Г. Мараньон и другие были арестованы.

То, что Франко остался в стороне от заговора, приблизило его еще больше к диктатору и ко двору.

Иначе трудно объяснить, почему Франко был назначен в начале 1928 г. директором Генеральной военной академии в Сарагосе: ведь он не был обременен педагогическим опытом, не был замечен в глубоких теоретических изысканиях. Его военный опыт был ограничен уроками колониальных кампаний.

Эта Академия была закрыта еще в 1893 г. и вновь открыта 20 февраля 1927 г. Король счел необходимым издать специальный декрет о возобновлении ее деятельности. На открытии Академии и на торжественном богослужении в соборе Вирхен Пилар 5 октября 1928 г. присутствовал сам диктатор.

Франко привлек к преподаванию «африканистов», в прошлом выпускников Академии, среди них – Алонсо Вегу, своего двоюродного брата Франсиско Франко Салгадо Араухо, называемого в семейном кругу «Паконом». Сам Франко и преподаватели-«африканисты» пытались погрузить Академию в атмосферу мифов и мистики марокканской кампании. Но наиболее ода-

ренные слушатели Академии все же тянулись к вице-директору Кампинесу, в прошлом полковнику Главного штаба. Адепт либерализма, поклонник идей Просвещения, он восхищался Ф. Хинером де лос Риосом, который вместе с Хоакином Костой, Еухенио Монтеро и Николасом Сальмероном, провозвестниками идей «поколения 98-го года», серебряного века испанской культуры, основал «Институт свободного образования», педагогическая система которого была основана на светском образовании.

Менталитет Кампинеса как бы воплощал все то, что было ненавистно Франко. К тому же обозначились и расхождения Франко и Кампинеса в чисто профессиональной сфере: в лекциях директор Академии неоднократно повторял: «…сопротивляться – значит победить». Кампинес в соответствии с традицией французской академии Сен-Сир этой лемме противопоставлял свою: «обучаться, чтобы победить». Но Франко не только терпел своего высокообразованного заместителя, но и доверял ему руководство Академией во время своих посещений военных академий в Париже и Берлине для изучения опыта преподавания.

Хотя в это время уже более отчетливо обозначились политические пристрастия Франко: по его приказу Академия регулярно получала журнал «Entente Internationale Anticommuniste contre la Troisiйme», издававшийся в Женеве[11].

Между тем над его покровителем сгущались тучи, о чем доходили слухи даже до традиционно консервативной Сарагосы.

«Примо де Ривера продержался у власти семь лет благодаря чудесам эквилибристики; он пугал короля армией и армию королем и их вместе политической и социальной революцией». И когда на политическом горизонте появились первые признаки того, что социальная революция из пугала становилась реальностью, механизм эквилибристики стал разлаживаться[12]. Даже те классы, которые находились у власти в период диктатуры – финансовая олигархия и латифундисты, давно уже недовольные тем, что режим Примо де Риверы усиливал и углублял противоречия, грозившие превратиться в глубокие политические конфликты, – опасаясь дальнейшего роста массового недовольства, решили пожертвовать диктатурой и вернуться к конституционной монархии.

Для Примо де Риверы не была тайной эта картина всеобщего недовольства. Так, в официальной ноте 31 декабря 1929 г. он писал, что диктатуре отказывают в поддержке аристократия и церковь, банкиры и предприниматели, чиновники и пресса.

Те же самые круги, которые способствовали перевороту 1923 г., стали активно поддерживать готовящийся военный заговор военного губернатора Кадиса монархиста генерала Годеда, ставившего своей задачей ликвидацию диктатуры. Примо де Ривера знал об этом заговоре; у него оставалась единственная надежда на поддержку высших слоев испанской военщины.

Утром 26 января 1930 г. без ведома короля диктатор обратился с посланием к десяти капитан-генералам, главнокомандующему в Марокко, капитан-генералу морского министерства, начальникам корпусов гражданской гвардии, карабинеров и инвалидов. Признав в послании, что установление диктатуры оказалось возможным лишь в результате поддержки армии, он спрашивал, поддерживают ли его по-прежнему вооруженные силы. Диктатор заявлял, что в случае отказа он немедленно подает королю заявление об отставке. Реакция верхушки испанской армии была такова, что, не дожидаясь официального ответа, 28 января Примо де Ривера ушел в отставку. Через несколько часов было сформировано правительство генерала Дамасо Беренгера, объявившего о своем намерении управлять на основе Конституции 1876 г. Но эта конституция уже не устраивала даже «умеренных» – она предоставляла слишком широкие права королю.

---

[11] *Preston P.* Franco. «Caudillo de Espaca». M., 1994. P. 84.

[12] Bolethn decenal Estado Mayor Central del Ministerio de defensa nacional. 31.VIII.1938.

Падение режима Примо де Риверы застало Франко в Париже. Он с огорчением наблюдал, что падение диктатуры, против установления которой в свое время активно не протестовал король, не стало тормозом на пути недругов монархии. Напротив, начиная с февраля 1930 г. антимонархические митинги и демонстрации становятся неотъемлемой частью политической жизни столицы и больших городов. 17 августа 1930 г. лидеры партий и группировок республиканского лагеря, включая недавних монархистов – Н. Алькала Самору и М. Мауру, собравшись в Сан-Себастьяне, заключили пакт и избрали Революционный комитет.

Участники Сан-Себастьянского пакта не исключали насильственных методов свержения монархии. Они сошлись на том, что основной силой переворота должна была стать армия. Свою ориентацию на армию заговорщики объясняли стремлением свергнуть монархию без большого пролития народной крови. Революционному комитету удалось склонить к своим планам некоторых офицеров.

Франко был в стороне от всех этих событий в отличие от своего брата Рамона. Рамон закончил, как и Франко, Академию в Толедо, но впоследствии стал летчиком. В 1922 г. Рамон был назначен командиром базы гидросамолетов в Мелилье. «Не хочу быть таким, как ты», – говорил он не раз брату, когда Франко выражал недовольство его образом жизни. Рамон был эксцентричен; бары, казино и кабаре – вот где он проводил свободное от несения службы время. Для Франко он всегда был «черной овцой», для Испании, начиная с 1926 г., – знаменитостью, прославившей свою страну. В этот год вместе с Руисом де Альдой, Дураном и механиком Пабло Радой на гидросамолете «Плюс Ультра» он совершил первый перелет через Атлантику из Европы в Латинскую Америку. По возвращении он был принят королем. Затем последовали перелеты в США. В июле 1929 г. гидросамолет, управляемый Рамоном, упал в океан. Командующий авиацией Кинделан отдал его под суд. Рамона обидело, что король и Примо де Ривера не вмешались в его судьбу. С тех пор он не делал секрета из своих политических убеждений, открыто критикуя короля и диктатуру. Идальго де Сиснерос, который хорошо знал его, писал позднее: «Он был умен, легко и быстро ориентировался в обстановке и в то же время обладал рядом привычек и странностей, которые никому не удавалось искоренить в нем. Одной из них была привычка небрежно одеваться. Он всегда носил потрепанную и грязную гражданскую одежду или военную форму. Порой он совершал довольно странные поступки, нисколько не беспокоясь об их последствиях. Это был настоящий дикарь, и ему очень подходило полученное в авиации прозвище „Шакал“»[13].

Рамон был одним из тех немногих военных, которых Революционному комитету удалось привлечь к заговору против короля.

Заговор был плохо подготовлен. Как выяснилось позднее, многие, на кого рассчитывал Революционный комитет, знали о подготовке к восстанию лишь понаслышке. Дата восстания неоднократно переносилась, связь между заговорщиками практически отсутствовала, и о переменах сроков не все были уведомлены. 12 декабря 1930 г. подняли восстание в Хака капитаны Фермин Галан и Гарсиа Эрнандес. Надежды на присоединение к ним других воинских частей оказались тщетными. Отряд Галана дошел до Уэски и был разгромлен верными монархии войсками. 14 декабря Галан и Эрнандес были расстреляны. Начальник гарнизона Бургоса генерал Нуньес дель Прадо, назначенный Революционным комитетом главой военного мятежа, в ночь на 13 декабря сообщил об отказе выступать.

В результате в день «Х», а он был назначен после неоднократных переносов на 15 декабря, восстание было поднято лишь летчиками-республиканцами на мадридском военном аэродроме «Куатро вьентос» («Четырех ветров»).

В шесть часов утра, после того, как механики по собственной инициативе закрасили монархическую кокарду красной краской, летчики поднялись в воздух, чтобы сбросить на

[13] *Сиснерос И. де.* Указ. соч. С. 118.

город прокламации, призывавшие провозгласить Испанию республикой. «Однако к нашему разочарованию, – вспоминал позднее Идальго де Сиснерос, один из главных героев восстания, – транспорт работал нормально, жители спокойно ходили по улицам, на вокзалы, как обычно, прибывали и отправлялись поезда»[14].

Лишенные какой-либо поддержки, Идальго де Сиснерос и группа летчиков перелетели через португальскую границу.

Франко, несмотря ни на что, не порвал тогда связей с братом, хотя и не скрывал огорчения от того, что Рамон «оказался вне закона, совершил ошибку, изменив всем принципам». В ответ на просьбу о материальной помощи себе и своей семье, Франсиско писал: «Мой дорогой и несчастный брат, отзываясь на твою просьбу, я посылаю тебе 2 тысячи песет (по курсу 1930 г. – около 1 тысячи долларов США. – *Авт.),* и если позволят мне возможности, они сегодня же будут тебе доставлены». Рамон ответил без промедления: «Получил твое письмо и 2 тыс. песет, которые ты послал так быстро, как только смог. Но не согласен ни с чем, о чем ты мне написал. И мне жаль, что твои либеральные идеи еще более консервативны, чем идеи Романонеса. Меня не пугает расстрел. Если я возвращусь в Испанию, то только для продолжения борьбы. И я верю, что это будет большим благом для Испании и для Республики»[15].

В Испанию он возвратился лишь после того, как 14 апреля 1931 г. была провозглашена Республика.

[14] *Сиснерос И. де.* Указ. соч. С. 120.

[15] *Garriga R.* Ramon Franco, el hermano maldito. B., 1978. Цит. по: *Gonzбles* Duro E. Op. cit. P. 141–142.

Апрельская республика

Провозглашению Республики предшествовали муниципальные выборы 12 апреля 1931 г., отразившие полярное размежевание в испанском обществе.

За день до выборов наиболее влиятельные газеты консервативного направления – монархическая ABC и католическая «El Debate» – с оптимизмом писали о грядущей победе монархистов. В этой победе, по свидетельству министров последнего кабинета, был уверен и король. И они не ошибались: монархисты получили 22 150 мест в муниципалитетах, а республиканцы – всего 5875. Но 70 % избирателей больших городов и промышленных центров – Мадрида, Барселоны, Бильбао, Овиедо, Кордовы, Картахены – отдали свои голоса за блок республиканцев [16]. И это решило судьбу монархии. 14 апреля Республика была провозглашена «Мы уже захвачены вихрями урагана» – так воспринял то, что произошло, епископ Таррагоны Исиодора Гома, будущий примас Испании. «О те благословенные часы – Господи Боже! – сотканные из самого чистого льна надежды, когда мы, горстка старых республиканцев, подняли в Сеговии трехцветное знамя!» – вспоминал видный испанский поэт Антонио Мачадо[17]. Две Испании – два контрастных видения мира.

Этот феномен имел глубокие исторические корни. Он обозначился уже в эпоху Просвещенного абсолютизма, когда Карл III и его министры попытались ослабить путы старого порядка и преодолеть нежизнеспособность некоторых государственных и общественных институтов. Эти реформы встречали сопротивление. Как говаривал Карл III, «мои подданные поступают, как дети, которые плачут, когда их хотят вымыть». Не только аристократия и клир, но и крестьяне, и жители маленьких городов, преобладавших тогда в Испании, не понимали сути реформ, порой проявляя неприкрытую враждебность к ним, полагая, что они посягают на освященные веками традиции.

О «Двух Испаниях» свидетельствует размежевание нации в эпоху наполеоновских войн. Отвечая на вопрос, какие ценности в духовной и общественной жизни признавались постоянными и органичными, а какие случайными, преходящими, испанцы обнаружили контрастное несовпадение ориентации. Как отмечал П. Вилар, «две Испании, еще единые в борьбе против общего врага, в то же время глубоко противостоящие друг другу» [18].

Для большинства участников освободительной борьбы против Наполеона Франция Просвещения и революции была олицетворением Зла, а борьба с Наполеоном – «святой Крусадой» с земным воплощением Антихриста.

Эта специфика дихотомии политической культуры испанского общества, отразившая узость социального спектра либеральной политической культуры, значительно уступавшей сфере культуры традиционной, сохранялась на протяжении всего XIX и в первой трети XX вв.

Еще маркиз де Мирофлорес, активный участник конституционного трехлетья 1820–1823 гг., спасаясь в Лондоне от роялистского террора, отмечал: «Народные низы и духовенство хотели сохранить перевес, ими достигнутый… Союз трона, народа и духовенства не мог быть побежден никакой силой и никакой комбинацией. Победа этой лиги над средним классом, над классом промышленников и ремесленников, с неизбежностью будет одерживаться до тех пор, пока будет существовать этот союз». И далее: «Не следует предаваться иллюзиям, надо видеть… что магические для иных призывы к свободе и равенству в Испании внимаются с

[16] EI Sol.15.IV. 1931.

[17] *Marago A.* Избранное. М., 1975. С. 89. (Издание на русском или испанском? Москва или Мадрид?)

[18] *Vilar P.* Histoire de l'Espagne. Paris (далее P.), 1957. P. 54.

насмешкой и презрением, и еще как крики о безбожии»[19]. Книга Мирофлореса была издана в 1834 г., за сто лет до провозглашения Второй Республики.

Дихотомия политической культуры отразилась в кровопролитных затяжных гражданских войнах XIX в. Карлистские войны пронизали весь XIX в.: политику, экономику, международные отношения, жизнь многих семей. Современник событий историк Х. Бальмес отмечал: «В карлистской войне старое общество боролось с новым; общество с глубоко укоренившимися религиозными верованиями, общество с традиционными обычаями с обществом материальных интересов и новшеств»[20].

Медленный, тернистый путь модернизации испанского общества в XIX–XX вв. не смягчил острые грани противоборства двух тенденций в исторически обусловленном комплексе испанской политической культуры. Этот феномен отразился в трудах поэтов и философов в образе «Двух Испаний» – антиномы, поэтически выраженной поэтом А. Мачадой в 1913 г., или даже «Испании» и «Анти-Испании».

Противостояние «Двух Испаний», столь отчетливо проявившееся 12 апреля 1931 г., имело роковые последствия для будущего страны.

Некоторые командующие военными округами предложили королю вывести войска на улицы, дабы удержаться на троне. Но Альфонс XIII отказался: «Я не хочу, чтобы из-за меня пролилась хотя бы капля крови. Я могу быть королем, если смогу рассчитывать на любовь своего народа, но не когда испанцы отказываются от меня»[21].

В 8 часов вечера 14 апреля король тайно покинул Мадрид и направился в Картахену, где его ожидал крейсер «Принц Астурийский», который взял курс на Марсель. Вечером того же дня новоиспеченный республиканец, в недавнем прошлом консерватор и монархист Алькали-Самора, ставший во главе правительства, обратился по радио к народу, объявив, что Республика провозглашена «без малейших беспорядков», и Временное правительство готово приступить к исполнению своих обязанностей.

Что касается начальника Высшей военной академии в Сарагосе генерала Франко, то он в этот день отдал приказ, категорически запрещавший курсантам выходить из ее стен, дабы не присоединиться к ликующему народу. Он отдал распоряжение поднять трехцветное знамя Республики над Академией только после того, как получил письменное распоряжение нового генерал-капитана, командующего округом, к которому была «приписана» Академия.

В те дни надолго разошлись пути Франсиско Франко с младшим братом. Известие о том, что Рамон в Париже вступил в масонскую ложу, встревожило и огорчило Франко. С негодованием он воспринял реакцию Рамона на поджоги церквей и монастырей 10–11 мая 1931 г. В те дни в Мадриде были сожжены главная резиденция ордена иезуитов, иезуитский Университет искусств и ремесел, церкви и монастыри в провинциях, главным образом в Андалусии. Рамон приветствовал «майские пожары»: «Великолепная иллюминация… отражение того, что народ желает освободиться от обскурантизма и религиозного гнета»[22].

Командующий авиацией в начальный период республики, он вскоре оставил этот пост, будучи избранным в Учредительные кортесы в июне 1931 г. Он всецело отдался политической деятельности, но эта деятельность носила весьма странный характер. На первых порах он примкнул к группке ультралевых депутатов, возглавлявшейся Бальботином, которых в кортесах выразительно прозвали «кабанами». Их демагогические выступления успешно использовались реакцией во вред республике. Однако после победы правых в 1933 г. Рамон качнулся вправо,

---

[19] *Miraflores, marquez de.* Apuntos historico-critico para escribir la Historia de Revoluciyn de Espaca. Londres (далее L), 1834. P. XII.

[20] Цит. по: *Palacio Attard V.* La Espaca del siglo XIX. 1808–1898. M., 1981. P. 172.

[21] Espadas Buigos. Los Borbones de Espaca: Las grandes dinasthas. M., 1978. P. 251.

[22] Цит. по: *Gonzбles Duro E.* Op. cit. P. 145.

весьма цинично объяснив перемену своей позиции: уж если выбирать между тем, чтобы ему давали касторку или он ее давал, то предпочитает последнее.

А до этого еще должно было пройти время.

Пока же Франко больше беспокоила его собственная судьба: у него не было сомнения в том, что Республика прервет его стремительную карьеру. И он не ошибся. 12 июля 1931 г. последовал приказ Мануэля Асаньи, военного министра тогда еще Временного правительства, о закрытии Академии. Из шести военных академий оставались всего две: в Толедо и Сеговии.

Три дня спустя Асанья записал в дневнике: «Краткая речь генерала Франко перед кадетами Высшей академии в связи с окончанием курса была исключительно враждебной по отношению к правительству»[23]. Франко не был одинок в своем негативном восприятии Республики.

При анализе комплекса объективных и субъективных причин, способствующих политической поляризации армии, следует иметь в виду ее особенность, отмеченную в свое время Сиснеросом: «Воспитание и атмосфера, царившая в армии, способствовали формированию таких взглядов, которые легче поддаются отклонению вправо, чем влево»[24].

К моменту установления Республики испанская армия по технической оснащенности была одной из самых отсталых в Европе. Выступая в кортесах 30 июля 1931 г., Асанья, разъясняя суть военной реформы, объявил, что армия должна быть модернизирована, а ее офицерский состав сокращен, что дало бы немалую экономию и свело бы к нулю преторианский характер армии, который начал складываться еще в эпоху наполеоновских войн. В армии континентальной Испании согласно реформе должны были остаться 7600 офицеров (на 105 тысяч солдат), в марокканских войсках – 1700 офицеров (на 42 тысячи легионеров). Количество генерал-майоров было сокращено до 20, бригадных генералов – до 64, а чин генерал-лейтенанта упразднен. Асанье не удалось осуществить задуманное. Он успел частично сократить офицерский корпус. Однако возможностью подать в отставку воспользовались в первую очередь демократически настроенные офицеры, жаждавшие принять активное участие в созидательной работе республики и ее институтов.

Многие молодые офицеры, выпускники Высшей военной академии в Сарагосе, закрытой по приказу Асаньи 12 июля 1931 г., по привычке обращаясь к своему бывшему начальнику Франсиско Франко за советом, должны ли они подать к отставку, неизменно получали ответ, что они принесут гораздо больше пользы Испании, оставаясь в кадрах армии.

Реформа не коснулась верхушки армии, в которой преторианский дух был особенно ощутим.

После закрытия Высшей военной академии Франко получил новое назначение – принять командование 5-й дивизией в Сарагосе. Затем опять понижение: с 13 февраля 1932 г. он – командир 15-й пехотной бригады в Ла-Корунье. Эти личные обстоятельства повлияли на выбор Франко – какую сторону принять в будущей схватке: пока у власти было правительство республиканцев и социалистов[25], у Франко было мало шансов взять личный реванш.

Но до поры до времени он оставался в стороне от тех военных, которые уже тогда готовились вступить на путь внепарламентской борьбы с Республикой.

17 декабря 1931 г. Франко был вызван в Мадрид: в парламентской комиссии шли слушания по поводу восстания в Хака 12 декабря 1930 г. Там он встретился с генералом Санхурхо, начальником гражданской гвардии в последние часы, отведенные историей монархии. Тогда на совещании у главы правительства графа Романонеса Санхурхо заявил о невозможности силой оружия восстановить прежний порядок, а потому отказался вывести свои отряды

---

[23] *Azaca M.* Memorias polithcos y de guerra. B., 1978. P. 18.

[24] *Сиснерос* И. де. Указ. соч. С. 210.

[25] В состав правительства, сформированного 13 декабря 1931 г., вошли три министра-социалиста – Ф. Ларго Кабальеро, И. Прието, Фернандо де лос Риос.

на улицу. Теперь же он решил возглавить заговорщиков, готовящих военный переворот. Он предложил Франко примкнуть к заговору. Тот отказался. По свидетельству его двоюродного брата, называемого в семье Паконом, Франко так объяснил свой отказ: «Военное восстание в случае неудачи откроет дорогу коммунизму».

15 октября 1931 г. правительство возглавил Асанья. 9 декабря была принята Конституция, объявившая Испанию «демократической республикой трудящихся всех классов, подчиняющейся режиму свободы и справедливости». 44-я статья Конституции гласила: «Собственность на имущество всякого рода может быть объектом принудительной экспроприации ради общественного блага с условием справедливой компенсации, если только не будет принят другой закон, одобренный большинством голосов»[26]. Статья 47-я содержала обещание оказать помощь крестьянам, и среди прочего был принят закон о неотчуждаемой семейной собственности, свободной от всех налогов. Учредительные кортесы приступили к разработке законов об аграрной реформе, народном просвещении, об автономии Каталонии, военной реформе, рабочем законодательстве, поднявших уровень правовой защищенности испанцев до принятых в Европе норм.

Нация ожидала многих свершений от правительства республики и Учредительных кортесов. Среди депутатов были властители дум, блестящие умы – Х. Ортега-и-Гассет, М. Унамуно, К. Санчес Альборнос, Перес Айала, Х. Бестейро. Их красноречие будоражило страну, с восторгом или с возмущением им внимавшую. Е. Малфакс, известный американский историк, в статье «Исторические и теоретические аспекты войны», опубликованной в воскресном приложении газеты «El Pais» 2 марта 1986 г., справедливо заметил, что «длительный иммобилизм прошлого требовал сделать решительный шаг к всестороннему возрождению страны: надо было сделать много, так как до этого было сделано очень мало. К тому же надо было иметь в виду и нетерпение тех, кто длительное время был жертвой социальной несправедливости».

Законодатели сделали решительный шаг к всестороннему возрождению страны. Но нельзя «насадить» фундаментальные изменения вечером, чтобы уже утром они дали ощутимые плоды. Те, кто долгие десятилетия были жертвой социальной несправедливости, все больше проявляли нетерпение. Критики низов сливались с возмущенными голосами тех, кого больно задели реформы. Это были не только аграрии-латифундисты, крупные коммерсанты и предприниматели, но и те, кого относили к «другой Испании» – Испании традиционной культуры, основу которой составляли католическая религия и церковь. Пробным камнем нового режима стала 26-я статья Конституции, провозгласившая отделение церкви от государства и запрещавшая религиозным орденам заниматься предпринимательской деятельностью и преподаванием. Президент республики Н. Алькали-Самора, избранный 10 декабря 1931 г., сказал, что «она призывает к гражданской войне». Но до войны было еще далеко, хотя негативные последствия принятия этой статьи трудно переоценить: она оскорбляла не только чувства миллионов католиков, принадлежавших к городским и сельским мелким и средним слоям, но и многих представителей низшего и среднего духовенства, особенно в Каталонии и Стране Басков.

Это отмечал и Сиснерос: «Священники боялись потерять свое и без того нищенское жалованье, на которое еле сводили концы с концами, живя в крайней бедности, столь обычной для деревенских церковных служителей Испании. Я не думаю, что их особенно волновала политическая сторона событий. Республика восторжествовала, и они приняли ее. Но потеря шести реалов в день означала для них катастрофу. Отменив жалованье священникам, республиканское правительство нажило в их лице опасного врага»[27]. Ж. Сориа, автор «Войны и революции в Испании 1936–1939 гг.», не ошибается, замечая, что «сведенная на уровень фило-

[26] Constituciones espacoles. Cortes secretaria. Madrid, 1977. P. 209.

[27] *Сиснерос И. де.* Указ. соч. С. 210.

софских воззрений религиозная вера (и абсолютное право на нее для каждого гражданина) становилась делом личной совести и того или иного взгляда на происхождение и назначение человека. Ничуть не больше, ничуть не меньше»[28]. Но для десятков тысяч полунищих священников речь шла не о философском осмыслении бытия, а о куске хлеба насущного. Аграрная реформа так и не дошла до глубин испанской деревни, зато редкая проповедь, с которой с амвона сельских церквей и церквушек обращались к прихожанам их пастыри, обходилась без осуждения безбожных кортесов, оскорбивших чувства католиков. Этим в полной мере воспользовалась пропаганда правых, делая все возможное, чтобы не только пастырей, но и паству превратить в противников Апрельской республики.

Франко, если судить по словам его прототипа в автобиографическом романе «Раса», после принятия 26-й статьи Конституции окончательно утвердился в своих предположениях, что Республика – в руках масонов, которые пытаются укоренить в Испании атеизм и «антикатолический дух», преследуют институты церкви. Он был убежден, что больше половины депутатов кортесов являются членами масонских лож. Его негативное отношение к утвержденной 9 декабря 1931 г. Конституции все же не подтолкнуло его к участию в заговоре Санхурхо.

О том, что готовится переворот, к которому подключены многие генералы, правительству было известно – об этом заявил Асанья в речи в кортесах в день мятежа, 10 августа 1932 г. И не только правительству: за месяц до мятежа, 10 июля, в Сарагосе лидер радикалов А. Леррус заявил: «Имеются две возможные диктатуры. Одна – социалистов, которая сейчас осуществляется, и другая – военных, которая может быть установлена как логическая реакция против этих господ».

Мятеж начался 10 августа в 5 часов утра в Мадриде и в Севилье. В Мадриде мятежники вскоре были рассеяны несколькими выстрелами гвардии де асальто (штурмовой гвардии). Уже в 7 часов утра все было спокойно. В Севилье гарнизон перешел на сторону мятежников. В тот же день генерал Санхурхо обратился к жителям Севильи с манифестом, в котором так обозначил цель мятежа: «Не установление антиреспубликанского режима, а освобождение Испании от состояния тревоги, которое за один только год принесло такой огромный моральный и материальный ущерб»[29]. Санхурхо удалось продержаться всего два дня. Мятеж был подавлен, Санхурхо бежал и был арестован между Кадисом и Уэльвой.

Франко не принял участия в заговоре. Асанья был очень доволен: когда он позвонил по телефону, он услышал голос Франко. Ходила легенда, возможно, более позднего происхождения, что на просьбу Санхурхо выступить в его защиту на суде, он ответил: «Я не буду Вас защищать, поскольку Вы заслуживаете смертной казни, но не потому, что Вы восстали, а потому что потерпели поражение»[30]. Позиция Франко в дни мятежа получила одобрение правительства и вместе с тем желание удалить его с полуострова, как бы чего не вышло в дальнейшем. В начале 1933 г. он получил назначение на Балеарские острова, которое воспринял с удовлетворением. Он был принят в высшем обществе Лас Пальмас де Майорка и установил контакт с банкиром-мультимиллионером Хуаном Марчем, что имело далеко идущие последствия. Именно тогда Франко прочел книгу А. Гитлера «Mein Kampf», в переводе на испанский – «Mi lucha», и познакомился с работами Хименеса Кабальеро, раннего идеолога испанского фашизма.

Приход Гитлера к власти пробудил интерес испанских правых к природе и целям фашизма. Особое впечатление производила та быстрота, с которой в Германии было подавлено рабочее движение и разрушена структура либерального общества. Первые фашистские организации в Испании были созданы еще 10 октября 1931 г.: тогда на страницах еженедельника «La conquista del estado» («Завоевание государства») было объявлено о слиянии двух неболь-

---

[28] *Сориа Ж.* Война и революция в Испании 1936–1939. В 2 т. М., 1987. Т. I. С. 35.

[29] *Caballero Audas.* El general Sanjurcho. M., 1940. P. 83.

[30] *Gonzбles Duro E.* Op. cit. P. 154.

ших групп фашистского толка и образовании новой организации «Хунты наступления национал-синдикализма» («ХОНС»).

В надежде привлечь внимание рабочих ХОНС избрали себе знамя из трех полос: красно-черно-красное – традиционные цвета испанского анархизма. Но в отличие от анархистов хонсисты превозносили беспрекословное повиновение государственной власти. Именно государство, по их мнению, должно было осуществлять опеку и верховное руководство синдикатами производителей, что должно было привести к окончательному искоренению классовой борьбы, которую хонсисты объявили «незаконной». Символом ХОНС были изображенные в виде креста пять стрел и ярмо (знак был заимствован из герба католических королей). Символика ХОНС, а также крайне националистические лозунги – «Арриба» («Возвысься») и «Испания – единая, великая и свободная» – позднее прочно вошли в арсенал франкизма.

По признанию лидера ХОНС Ледесмы Рамоса, «на протяжении всего 1932 года активность ХОНС была равна нулю». Первые испанские фашистские группы оказались в политическом вакууме. Им не удалось заинтересовать своей программой те слои, во имя сохранения экономических и политических позиций которых объективно они действовали. Не увенчались успехом и их попытки заинтересовать своей программой рабочих, и единственной средой, где они поначалу обрели немногочисленных сторонников, оказалась студенческая, вернее, та ее часть, которая была заражена правоэкстремистскими настроениями.

Весной 1933 г. за организацию фашистской партии взялся Хосе Антонио Примо де Ривера – старший сын покойного диктатора. Маркиз, выходец из традиционной офицерской семьи, литератор и юрист (он был членом коллегии адвокатов Мадрида), Хосе Антонио был ярым врагом республики. В своем «Политическом манифесте», с которым он выступил как «независимый кандидат» на частичных выборах в октябре 1931 г., он объявил: «У меня только одна цель, во имя которой я хочу быть в Учредительных кортесах: защищать священную память моего отца». 16 марта 1933 г. Примо де Ривера выпускает первый, он же и последний, номер газеты с примечательным названием «El fascio». В подготовке этого номера принимал участие и лидер ХОНС Р. Ледесма Рамос. Редакторы этого листка, запрещенного правительством через несколько часов после выхода, объявили о своем походе против социалистической революции под знаменами революции «национальной» – терминология, явно заимствованная в Берлине и Риме.

В октябре 1933 г. Хосе Примо де Ривера посетил Рим. Он был принят Муссолини, который весьма одобрительно отнесся к планам создания фашистской организации в Испании. По возвращении из Рима Примо де Ривера заявил, что фашизм является, по существу, традиционалистским движением, и если в Италии он обращен к традициям Римской империи, в Испании он будет взывать к традициям Испанской империи. Через несколько дней (29 октября) в мадридском театре «Комедиа» собрание, претенциозно названное «Национальным утверждением», стало первой акцией «Испанской фаланги». Вся вступительная речь Примо де Риверы была пронизана духом воинствующего национализма, объявленного «традиционной испанской ценностью». Оратор объявил, что создаваемая им партия, которую он определил как антипартия, не будет ни левой, ни правой. Поскольку никто не родится членом политической партии, – поучал Примо де Ривера, – и в то же время все являются членами семьи, соседями по муниципалитету и коллегами по работе, то из этого следует, что политические партии – нечто чуждое самой природе человека, и его организация полна решимости их отменить. Оратор не злоупотреблял антикапиталистической фразеологией, как это делали лидеры ХОНС, что обеспечило его речи благосклонный прием и в тех кругах консервативного лагеря, которые с недоверием относились к псевдорадикальной демагогии хонсистов. «Accion Espacola», консервативный журнал монархического толка, восторженно откликнулся на речь Примо де Риверы, назвав оратора «тем, кто поднял знамена».

13 февраля 1934 г. Национальный совет ХОНС принял решение о слиянии с фалангой. Само слияние произошло 4 марта того же года. Объединенная партия стала называться «Испанская фаланга и ХОНС». Все эмблемы, изобретенные в свое время Ледесмой, были официально приняты новой организацией – красно-черно-красный флаг, знак ярма и стрелы, девиз «Арриба». Билет с номером первым был выдан, по предложению Примо де Риверы, Ледесме Рамосу, затем следовал Примо де Ривера. Вновь созданную организацию возглавлял триумвират – Х. А. Примо де Ривера, Руис де Альда, Р. Ледесма Рамос (последние – лидеры ХОНС)[31].

Биографы Франко не обнаружили его интереса к испанской разновидности фашизма. Свои надежды он больше связывал с восхождением к власти испанских правых, не отрицавших парламентские формы правления. И его надежды оправдались. 19 ноября и 3 декабря 1933 г. (два тура) из 473 депутатских мандатов левые республиканцы получили 70 мандатов, социалисты – 60, в то время как «Испанская конфедерация автономных правых» (СЭДА) – 98 и радикалы – 100[32].

Для Франко наступило время надежд.

[31] *Payne S.* Falanga: A History of Spanish Fascism. Oxford, 1962. P. 11–16, 45.

[32] El Socialista. 11.XI; 21.XL 1933.

К гражданской войне

Осенью 1933 г. Франко сблизился с Х. Хилем Роблесом. Впервые имя Хосе Марии Хиля Роблеса, депутата от Саламанки, стало известно при обсуждении 26-й статьи Конституции. Молодой депутат-католик, член редакционной коллегии «El Debate» назвал эту статью фронтальной атакой на лучшие испанские традиции. Год спустя Хиль Роблес стал создателем и лидером Испанской конфедерации автономных правых (СЭДА). К моменту своего создания – 22 декабря 1932 г. – СЭДА насчитывала в своих рядах 619 тыс. членов. Партии и организации, вошедшие в СЭДА, провозгласили своей главной задачей защиту чувств и интересов католиков от антиклерикальных намерений кортесов и правительства[33]. Установить контакты с Хилем Роблесом Франко помог его шурин Р. Серрано Суньер, муж сестры его жены – Зиты, руководитель организации «Молодежь народного действия», примыкавшей к СЭДА: их девиз «Превыше всего – Испания, и превыше Испании – Бог» был близок ему. С этого времени вновь начался взлет Франко, прерванный установлением республики. Но особые надежды на восхождение к вершинам военной карьеры он возлагал на лидера радикалов А. Лерруса, с которым он установил тесную связь через Пейре, представителя Хуана Марча, своего коллегу по учебе в Академии в Толедо.

В феврале 1934 г. мать Франко решила совершить паломничество в Рим. Франко получил разрешение выехать в Мадрид и сопровождать ее до Рима. Но далее ехать не пришлось – Пилар Франко умерла, ее сын задержался в Мадриде. Ему удалось произвести хорошее впечатление на военного министра, радикала Д. Идальго. Позднее Идальго написал: «Франко был предан до конца своей профессии и был в совершенстве наделен всеми достоинствами профессионального военного: он много работал, ясность его мышления, понимание и общее образование – все было поставлено на службу армии… Он был педантичен в выполнении своего долга, что, возможно, заслуживает критики». Результат – повышение в чине: в марте 1934 г. Франко в 41 год стал самым молодым дивизионным генералом. Скоро для него нашлось и дело.

В ночь на 5 октября 1934 г. в знак протеста против вхождения трех членов СЭДА в правительство началась всеобщая политическая стачка по всей Испании, в Астурии – районе шахт и производства металла – стачка вскоре переросла в вооруженное восстание.

В Мадриде, в военном министерстве, с нетерпением ожидали Франко, задержавшегося на маневрах: вместе со своим двоюродным братом Франко Салгадо Араухо он должен был возглавить центр по подавлению восстания; Идальго так объяснял это назначение: Франко долго жил вблизи Астурии, имел там связи и знал не только столицу, провинции и шахтерские поселки, но также побережье и линии коммуникаций в этом районе[34].

Франко оправдал надежды министра: оба порта Астурии – Хихон и Авилес – стали местом высадки карательных войск, переброшенных 10 октября на крейсерах «Либертад» и «Сервантес»; на другой день на линкоре «Хайме I» прибыли три бандеры Иностранного легиона и части марокканцев, вызванных Франко. Командовал легионом приятель Франко по службе в Африке подполковник Ягуэ. Сам Франко прибыл в Овьедо 24 октября. Астурия была залита кровью. Ответственность за подавление октябрьского восстания взял на себя Идальго, хотя, как он и отдавал себе отчет, у «Терсио» и «Регулярес» отсутствовало уважение к закону и правам человека.

Франко же не только разделял чувства Идальго: напротив, как свидетельствует его интервью в Овьедо, он гордился своей ролью в тех кровавых событиях. Заявив, что «война в Марокко, которую вели „Регулярес“ и „Терсио“, имела в некотором смысле дух романтики, дух

---

[33] *Galindo Herrero S.* Historia de los partidos monбrquicos bajo la Segundo Repъblica. M., 1954. P. 84.

[34] Цит. по: *Hills G.* Franco: The Man and His Nation. New York (далее – N.Y.), 1976. P. 173.

реконкисты. Но эта война – война во имя защиты границ, за которыми – социализм и коммунизм и все другие формы, угрожающие цивилизации, чтобы сменить ее на варварство»[35]. Обе стороны стали активно готовиться к реваншу.

Октябрьские события 1934 г. покончили с политической индифферентностью Франко. Правая пресса писала о Франко как о защитнике Отечества, левая – как о правом консерваторе, до сих пор не заявлявшем о своих политических взглядах.

После подавления астурийского восстания Франко был назначен командующим вооруженными силами в Марокко. В мае 1935 г. по инициативе Хиля Роблеса, военного министра в правительстве Лерруса, Франко получил новое назначение – начальник генерального штаба[36]. Но это еще не было вершиной его карьеры.

Новый начальник генерального штаба не терял времени даром: по его инициативе военный министр отдал распоряжение о закупке современного вооружения, истребительной и бомбардировочной авиации, броневиков; была начата модернизация морской базы в Картахене. Франко тогда жил в Мадриде, занимая великолепный дом на бульваре Кастельяно. В столице проживали тогда и его сестра Пилар, и брат Николас, профессор Высшей школы морских офицеров. К огорчению Франсиско, он стал членом «Ротари клуба», о котором ходили слухи, что он связан с масонством.

Страна постепенно оживала от того оцепенения, в которое была погружена после подавления астурийского восстания. Все громче звучали требования распустить кортесы и назначить новые выборы. Мощное народное движение вынудило подать в отставку правительство, в котором заправлял Хиль Роблес. 20 октября 1935 г. лидер оппозиции Асанья на 200-тысячном митинге произнес знаменитую фразу: «Вы должны выбрать между демократией со всеми ее недостатками, заблуждениями или ошибками и тиранией со всем ее ужасом»[37]. В начале января 1936 г. президент распустил кортесы и назначил выборы на 16 февраля 1936 г.

15 января в обстановке подъема народного движения левые и левоцентристские партии подписали «Избирательный пакт», вошедший в историю как «Пакт о Народном фронте». Документ был подписан представителями Испанской социалистической рабочей партии, Всеобщего союза трудящихся, Федерации социалистической молодежи, Рабочей партии марксистского единства (ПОУМ), Синдикалистской партии, Левой республиканской, Республиканского союза и Коммунистической партии.

Франко во время предвыборной кампании находился в Лондоне, куда прибыл 26 января на похороны английского короля Георга V. Сохранилась фотография: на ней запечатлен советский военачальник М.Н. Тухачевский, приглашенный на траурную церемонию, и маленький генерал с усами Чарли Чаплина, имя которого тогда никому за пределами Испании ничего не говорило. До того, как его узнали в Европе и мире, оставалось шесть месяцев.

Франко был весьма озабочен предстоящими выборами. По свидетельству Барросо, испанского военного атташе во Франции, с которым Франко вместе возвращался на континент, он говорил, что надеется, Народный фронт не победит, но не исключал и эту возможность. «Если случится худшее – наш долг вмешаться, – заявил он. – И если Барросо услышит, что Франко в Африке, это будет сигналом к действиям»[38]. Свидетелей разговора не было: во время переправы через Ла-Манш штормило, и на палубе были только двое – Франко и Барросо. Но последующие события подтверждают достоверность слов военного атташе.

На выборах 16 февраля Народный фронт одержал победу. Из 9864 тыс. избирателей, принявших участие в голосовании, за Народный фронт проголосовало 34,3 %, за правых и «пра-

[35] Цит. по: *Gonzбles Duro E.* Op. cit. P. 160.

[36] Президент Алькала Самора был против назначения Франко: «Молодые генералы стремятся стать фашистскими каудильо». См.: *Preston P.* Op. cit. P. 143.

[37] El Sol. 2.LX.1935.

[38] Цит. по: *Hills G.* Op. cit. P. 210.

вый центр» – 33,2 %. Перевес – всего 1,1 %. Позднее историк В. Роа назовет победу Народного фронта «Пирровой победой». Однако использование мажоритарной системы обеспечило объединенным левым 269 депутатских мандатов (из них социалисты получили 88, коммунисты – 16, ПОУМ – I)[39].

Как заметил испанский политолог и историк Х. Тусель, крайне правые восприняли результаты выборов 16 февраля 1936 г., принесшие победу Народному фронту, как свидетельство того, что «демократическая система передала страну в руки революции, поэтому необходимо без промедления начать работу по подрыву ее»[40].

Вечером 16 февраля, еще до окончательного подсчета голосов, начальник генерального штаба Франко по телефону пытался убедить военного министра Молеро объявить военное положение. Молеро отослал Франко к главе правительства Портеле Вальядаресу. Как вспоминал позднее Франко, Портела был очень любезен с ним, но тем не менее устоял, заявив, что «противопоставить штыки воле нации равносильно самоуправству»[41]. Так был ли Франко ключевой фигурой заговора против правительства Народного фронта?

Спустя более 20 лет, в ноябре 1957 г., Франко прочел в журнале «Reino» статью генерала Хорхе Вигона о событиях 1936 г. По мнению Вигона, «главной фигурой в подготовке Движения (т. е. заговора и мятежа. – С. 77.) был бывший командующий группой войск в Северной Африке генерал Эмилио Мола, а Франко – маленький его спутник». Генералиссимус был возмущен: «Как мог Вигон это написать, не будучи хорошо осведомлен о ситуации?!». И рассказал о совещании в доме биржевого дельца Дельгадо 8 марта 1936 г., где собрались в основном бывшие «африканцы». Незадолго до этого Франко, бывший командующий военно-воздушными силами генерал М. Годед и генерал Мола получили приказ главы нового правительства, пришедшего к власти, покинуть Мадрид. Новое назначение Франко, теперь уже бывшего начальника генерального штаба, – Канарские острова. Полковник Варела, представлявший находившегося в изгнании генерала Х. Санхурхо, предложил немедля совершить переворот. Мола и Франко отказались: время упущено, надо ждать более благоприятной ситуации, когда в стране воцарится анархия и выход армии на улицы будет оправдан. По словам Франко, ему предложили быть руководителем движения, но он отказался, предложив кандидатуру генерала Санхурхо[42].

То, как впоследствии развивались события, дает основание с доверием отнестись к словам Франко. Это не означает, однако, преуменьшения роли Молы – бывшего командующего группой войск в Северной Африке, души и мозга заговора, «Директора», как он подписывал свои секретные циркуляры. Заговорщики сумели сохранить в тайне свои приготовления. И тем не менее проницательный И. Прието, лидер испанских социалистов и министр многих кабинетов Республики, во время дополнительных выборов в кортесы в выступлении в Куэнке уже 1 мая 1936 г. назвал Франко «ферментом сокрушения»: «Генерал Франко благодаря своей молодости, своим дружеским связям в армий, своему личному престижу представляется в данный момент тем человеком, который может возглавить движение такого рода»[43]

---

[39] El Socialista. 19.11.1936.

[40] *Tusell J.* Las elecciones del Frente Popular. M., 1971. Vol. 2. P. 10–13.

[41] Портела Вальядарес в октябре 1937 г. подтвердил, что 16 февраля 1936 г. Франко пытался склонить его к государственному перевороту. См.: *Brenan G.* The Spanish Labirinth. Cambr., 1943. P. 300.

[42] *Franco Salgado Araujo F.* Mis conversaciones privadas con Franco. B., 1976. P. 217.

[43] El Socialista. 2.V. 1936.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.